

ИСКРА ВАСИЛЬЕВНА ЧУРКИНА. ВОСПОМИНАНИЯ ИСТОРИКА

Статья поступила в редакцию 3 июня 2020 г.

Цитирование: Искра Васильевна Чуркина. Воспоминания историка // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 152–178.

ISKRA V. CHURKINA. MEMOIRS OF A HISTORIAN

Received 3 June 2020.

How to cite: Churkina, I.V., 2020. Iskra Vasilyevna Churkina. Vospominaniia istorika [Iskra V. Churkina. Memoirs of a Historian]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 152–178.

Предлагаем вниманию читателя интервью с доктором исторических наук, историком-славистом, исследователем широкого круга проблем отечественной и всеобщей истории Искрой Васильевной Чуркиной (р. 1931). Искра Васильевна окончила исторический факультет МГУ, защитив диплом на кафедре истории южных и западных славян, поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, в 1963 г. защитила в институте кандидатскую диссертацию «Развитие словенской промышленности и торговли в XVI в.», в 1980 г. — докторскую диссертацию по монографии «Словенское национальное движение в XIX в. и Россия».

С 1958 по 2018 г. работала в Институте славяноведения. В 1986–1989 гг. была сопредседателем Смешанной советско-югославской комиссии по анализу учебников истории и географии СССР и СФРЮ. В 1993 г. избрана президентом Общества друзей Словении «Триглав». С 1968 г. — зарубежный член Исторического общества Словении, с 1990 г. — член Общества исследований по словенистике (Канада), с 1993 г. — член-корреспондент, затем действительный член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Россия).

Круг научных интересов Искры Васильевны охватывает прежде всего историю словенского народа, а также вопросы национальных движений на Балканах, русско-славянских связей, проблемы межконфессиональных отношений, истории культуры и идейных движений южнославянских народов. Искра Васильевна является ведущим в отечественной славистике специалистом по истории Словении. Она автор

* Запись, расшифровку беседы и комментарии осуществили А.А. Леонтьева, К.В. Мельчакова, Н.Г. Струнина-Бородина.

более 300 научных трудов, в том числе ряда монографий. В настоящее время к печати готовится ее очередное исследование, которое посвящено славянофильскому движению в России. И.В. Чуркина внесла значительный вклад в подготовку многих коллективных трудов Института славяноведения в качестве ответственного редактора и одного из основных авторов, а также в публикацию важнейших архивных документов по истории межславянских связей.

Искра Васильевна рассказала о своем детстве, учебе на историческом факультете МГУ, работе в Институте славяноведения, поделилась впечатлениями об опыте исследовательской деятельности в архивах и библиотеках, а также о зарубежных командировках.

* * *

— ...Уж я знаю, что такое редкое имя! В Университете у нас полно было таких имен — Диамара, Энгельсина, Ленина, Сталин и так далее. А в школе я была такая одна, и все всегда удивлялись, а мальчишки дразнили!

Дома меня звали Исенькой. Мама была очень идейная. Когда я один раз ее спросила, уже в 10-м классе: «Мама, зачем ты меня назвала таким именем, не могла нормальным?» — она ответила: «Знаешь, когда ты родилась, была всеобщая коллективизация, и мне нравились два имени, очень модные в то время: Искра и Тракторина». Я сказала «спасибо» и больше никаких вопросов не задавала: всё же Искра лучше, чем Тракторина.

— Скажите, пожалуйста, кем были ваши родители, откуда они родом?

Анастасия Климентьевна Извекова и Василий Сергеевич Чуркин.
1932 г.

— Маму звали Анастасия. Отец ее, Климентий Козьмич Извеков, был зажиточным крестьянином в Курской губернии. Они с братом Андреем не разделили землю после смерти отца и вели совместное хозяйство. У них была большая семья, куда входили дети обоих братьев со своими женами и детьми, всего более двадцати человек. Наемных работников у них никогда не было. Климентий Козьмич, человек грамотный, пользовался уважением односельчан, имел прекрасный голос и пел в церковном хоре. Он ведал внешними делами семьи, торговлей, взаимодействием с властями. Андрей же определял каждому работу в поле и дома. Анастасия окончила приходскую школу, потом работала швейей у разных хозяев. А уже после революции училась в Рабоче-крестьянском университете в Курске. Там мама оказалась в числе лучших, и ее оставили преподавателем. Среди ее учеников оказался мой отец. К тому времени он окончил не только приходскую школу, но и два класса гимназии. И он ее изводил, поскольку знал больше, чем она. До конца своей жизни мама ему припоминала такой его вопрос: «А Рюрик был феодалом или не был?» Мы даже сейчас не знаем, был он феодалом или не был... А в те годы она и представления не имела, был ли он феодалом. Так вот они и познакомились.

В 1930-е годы мама окончила Аграрный институт красной профессуры¹. С 1940 г. Анастасия Климентьевна работала в МВТУ имени Баумана, там же защитила кандидатскую диссертацию по коллективизации на Кубани и до выхода на пенсию преподавала основы марксизма-ленинизма.

Отец, Василий Сергеевич Чуркин, тоже был из крестьянской семьи, он родился в Рязанской губернии. Участвовал в Гражданской войне с 1919 г., воевал против банд Махно, на польском фронте. Прошел всю Великую Отечественную войну, добровольцем защищал Москву, сражался на Курской дуге, под Ворошиловградом (ныне Луганск), под Киевом, освобождал Варшаву, брал Берлин. В 1946 г. Василий Сергеевич вернулся в Москву. Преподавал политэкономии в Военно-воздушной академии имени Жуковского, а с 1948 г. до выхода на пенсию в 1964 г. — в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. В 1948 г. отец защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сущность трудодня». Всю жизнь он был военным, ушел в отставку в звании полковника. Отец был награжден орденом В.И. Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и 12 медалями. Особенно он гордился медалями «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

Мой отец, как и мама, окончил Институт красной профессуры. До войны преподавал в Инженерно-экономическом институте имени С. Орджоникидзе. Когда началась Отечественная война — пошел добровольцем, простым солдатом. Дело в том, что в 1937 году его тоже затронули репрессии.

¹ Институт красной профессуры (ИКП) — специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в высших учебных заведениях. Учрежден в 1921 г., в 1938 г. был преобразован в Высшую школу марксизма-ленинизма.

Кто-то написал донос, что он неправильно указал в анкете, что он сын бедняка-крестьянина, потому что у них не было ни коровы, ни лошади. Его отец был перед Первой мировой войной лесником. А это уже считалось выше: лесник — это значит чиновник. Отца лишили всех званий. Поэтому на Отечественную войну он пошел солдатом, а окончил ее уже полковником. Это было сложное время. Я уверена, что отец действительно был из бедной семьи, что в семье отца никогда не было своей коровы. И всю жизнь самым вкусным напитком для него было молоко. Мы вместе жили, и так было заведено, что каждое утро должна быть банка молока. Обязательно.

— *А он не рассказывал вам, откуда у него такая любовь к молоку?*

— Получилось так, что его мать (моя бабушка) Варвара Петровна осталась одна с тремя детьми, когда ее муж Сергей Андреевич ушел на заработки. Она его ждала. Коровы у них не было, надел был небольшой, и только по праздникам соседи приносили молоко и прочие гостинцы. Это был очень большой подарок и лакомство. Так вот с детства у отца и пошла любовь к молоку. А отсутствовал мой дед Сергей Андреевич ни больше ни меньше шесть лет, он строил Транссибирскую магистраль, можно сказать, практически дошел пешком до Дальнего Востока. Когда вернулся — мой отец впервые его увидел, в то время ему было семь лет. Поскольку я очень любила путешествовать, разные поездки, особенно по славянским землям, папа всегда говорил: «Ты прямо вся в деда!»

— *Где ваша семья была во время войны?*

— Во время войны мы со школой были эвакуированы в г. Михайлов Рязанской области. Потом, когда немцы стали подходить туда, нас перевезли в г. Ижевск, в Удмуртию, некоторое время были там. Отец был на фронте, а мама ездила со мной. Потом мы переехали в Чкалов (теперь это Оренбург) и оттуда уже вернулись в Москву, когда отец на время вернулся с фронта. Он проходил какие-то курсы и вызвал нас к себе в Москву, потом снова уехал на фронт, а мы остались в столице и Победу уже встретили там.

— *Расскажите, пожалуйста, о школе тех лет.*

— В то время, когда я вернулась в Москву из эвакуации, многие школы были заняты ранеными. Некоторые из них оставались госпиталями вплоть до конца 1940-х годов. Поэтому школы были переполнены, и в нашей школе № 350 было три смены, я училась в старших классах, и мы занимались вечером, сначала с 20 до 23 часов, потом с 18 до 21 часа. Моя школа находилась сразу за Богоявленским собором на Бауманской. До школы от дома было полчаса ходьбы.

Тогда как раз разрешили проводить службы в православных храмах. Для нас это была большая радость, потому что, когда мы занимались, шла вечерняя служба и громко звонили колокола. В школе всё было слышно, мы не могли учиться нормально, так как ученики и учитель не слышали друг друга. Мы так этому радовались! Часто преподаватель ничего не мог

объяснить и отпускал всех домой. Единственное, что мы могли, — писать контрольную, но это было гораздо спокойнее, чем отвечать заданный урок. Так что мы были очень довольны нашим соседством. До войны мальчики и девочки учились вместе, а в годы войны школы разделили на женские и мужские.

— *Потом в университете, наверное, было непривычно учиться с мальчиками?*

— Да, на первом курсе у нас только самые смелые девочки с мальчишками общались, потому что мы привыкли быть одни, без них.

— *А где вы жили в Москве?*

— Жили мы в Буденовском городке². Там было построено несколько кирпичных пятиэтажных зданий, а кругом — частная одноэтажная и двухэтажная деревянная застройка. Район между Госпитальной улицей и Буденовским городком в народе назывался «Чешиха»³ и считался очень опасным, воровским. Там жили портные, которые перекраивали то, что приносили им воры. Допустим, идешь по улице, темно, и с тебя могут стащить шапку или заставить снять пальто. Это запросто! Ведь в то время вообще ничего не было. И вот на Чешихе всё переделывали местные портные, перешивали сразу же, чтобы потом нельзя было узнать вещь. Мои школьные подружки жили как раз за Чешихой, и мама всегда боялась, когда я ходила к ним. Наша соседка по квартире работала на Чешихе в мастерской, изготавливавшей елочные украшения и детские игрушки, она обычно успокаивала маму: «Ну что ты волнуешься? Они никогда никого не обижают на своей территории, это негласное правило. Зачем к себе привлекать внимание? Если там кого-то разуют, разденут — обратятся в милицию и начнут проверять, выискивать пальто и прочее. Так что не беспокойся». И действительно, сколько раз я ни ходила к своим подружкам — и вечером, и утром, в любое время — всё было совершенно спокойно, никто меня не трогал.

— *Почему после школы вы решили поступать на исторический факультет?*

— Из нашего класса многие пошли в математики, несколько человек выбрали биологический факультет, а на историю, по-моему, пошла я одна. У нас в шестом классе была замечательная учительница. Ее звали Ребекка Ивлиевна, одинокая пожилая женщина. Преподавала нам историю Древней Греции и Древнего Рима. Она так интересно рассказывала об исторических событиях! И не только: помимо изучения и ответов на уроках мы должны

² Буденовский городок — жилой массив в Москве с домами 1927–1929 гг. постройки, расположенный по адресу Большая Почтовая улица, дом 18, корпуса 2–12, 15–18, 20 в, совр. Басманный район Центрального административного округа Москвы.

³ Совр. Чешихинский проезд — улица на востоке Москвы в Басманном районе. Возник как Чешихинский переулок в конце XIX в., назван по фамилии домовладельца купца Павла Ивановича Чешихина.

были в течение года написать небольшое сочинение по истории. Тогда я и несколько человек из класса впервые пошли в Историчку⁴. Я писала о каком-то философе того времени, но философия меня не увлекла, а история понравилась. Большое влияние на мой интерес к истории и литературе оказала учительница литературы Вера Владимировна Русанова. Она окончила Бестужевские курсы, первое высшее заведение в России, где учились женщины, потом некоторое время играла в театре. У нас она преподавала в 8–9 классах. Вера Владимировна считала, что нам совершенно не нужно учить литературоведческие термины, а просто необходимо знать русскую литературу. Не очень надеясь на то, что мы сами будем читать, она на уроках сама читала нам «Мертвые души» Н.В. Гоголя, очень артистично, так что мы с удовольствием слушали ее, а «Недоросля» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Грозу» А.Н. Островского мы разыгрывали на уроках; роли распределялись между ученицами, сама Вера Владимировна читала за Простакову, Фамусова и Кабаниху. Это совместное чтение очень нам нравилось, и когда Вера Владимировна ушла из школы из-за болезни, мы собирались после уроков и сами читали вместе книги. Особенно нас заинтересовал роман А.Н. Толстого «Петр Первый». Обычно нас с разрешения директора оставалось в классе после уроков 5–7 человек. Постоянными членами нашего кружка кроме меня были Аня Смахова, Дина Райзман, Галя Морозкина. Мы обнаружили, что живем на территории бывшей Немецкой слободы: ведь кругом были названия, связанные с нею, — Немецкий рынок, Лефортово, Немецкое кладбище! По воскресеньям мы часто бродили по нашему району, желая найти дома петровских времен. Особенно нас волновало расположение дома Анны Монс, возлюбленной царя Петра. Наши походы по московским улочкам и переулкам способствовали усилению моего интереса к истории.

— *Интересно, как в то время проходили выпускные экзамены?*

— Чтобы получить аттестат зрелости, нужно было сдавать 11 экзаменов. К концу сессии я была уже совсем уставшая. Два дня — экзамен, еще два дня — следующий экзамен. И так целый месяц... Я довольно хорошо сдала экзамены и даже получила серебряную медаль.

— *Сложно ли было поступить в университет?*

— Поскольку у меня была серебряная медаль, для поступления в университет было достаточно собеседования по истории. Это было легче, чем снова сдавать экзамены. В 1949 г. я поступила на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

— *Кто из преподавателей истфака вам запомнился? Многие из тех, кто преподавал в то время, сейчас признанные классики.*

— Из преподавателей на историческом факультете мне запомнились многие. Например, археологию у нас читал Артемий Владимирович Арци-

⁴ Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ).

ховский⁵, тот самый, который вел раскопки в Великом Новгороде и обнаружил там берестяные грамоты. Он всегда читал лекции без бумажки. Когда мы слушали этот курс, его лекции только вышли из печати. Мы все сразу же их раскупили и на занятиях сидели с этими книжками и слушали, как он читал, — специально сверяли. Он читал слово в слово, буква в букву, как там было написано. Удивительно! Ну сказал бы что-то новенькое, но нет, точно как в книге! Он помнил всё на свете, даже чересчур!

Лекции по истории Средних веков нам читал Сергей Данилович Сказкин⁶. Сергей Александрович Никитин⁷ читал историю славян — хорошо, но немного скучно, педантично, а Сказкин — с чувством, его всегда слушали, открыв рот, очень внимательно! Петр Андреевич Зайончковский⁸ тоже интересно читал лекции, хотя он был своеобразным человеком. Все страшно боялись сдавать ему экзамены. Он ставил направо и налево двойки и тройки. А тройка — это тоже плохо, потому что тогда человек оставался без стипендии. Мы все очень боялись попасть к нему. Но однажды, как раз на нашем курсе, девочка не из нашей группы, из другой, всё выучила, но поскольку все были напуганы, знали, как Зайончковский ставит обычно отметки, она очень волновалась. Подошла к столу, чтобы вытащить билет, и упала в обморок. Приехали врачи, все говорили — ну как же, она даже не посмотрела, что за билет, а так испугалась! Зайончковскому, видимо, сказали: «Что ж вы так всех напугали, что студентка упала в обморок?» После этого он стал помягче. И экзамены потом принимал значительно спокойнее.

— *А как в те времена развлекались студенты? Устраивались ли вечера в университете?*

— Не помню, чтобы у нас были какие-нибудь вечера в университете, в лучшем случае, торт и чай. В основном мы праздновали у кого-то дома.

⁵ Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) — советский археолог и историк, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, профессор. С 1939 г. — заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ. В 1952–1957 гг. — декан исторического факультета МГУ.

⁶ Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) — советский историк-медиевист, доктор исторических наук, академик АН СССР, профессор исторического факультета МГУ (декан в 1940–1943 гг.), с 1949 г. — заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ.

⁷ Сергей Александрович Никитин (1901–1979) — советский историк, специалист по истории зарубежных славянских народов, истории России XIX в., доктор исторических наук, профессор. В 1947–1970 гг. — заведующий сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР (далее — ИСл), в 1947–1961 гг. — заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. См.: *Данченко С.И., Чуркина И.В.* С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // *Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: сборник статей / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013 С. 8–34.*

⁸ Петр Андреевич Зайончковский (1904–1983) — советский историк, источниковед, археограф и библиограф, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ.

Однокурсники.

Искра Васильевна Чуркина, Таисия Николаевна Матулис,
Владимир Константинович Волков, Фридрих Игоревич Фирсов.
1950-е гг.

На первом курсе у нас была общая группа по Новой истории европейских стран. Когда мы окончили первый курс, решили это отпраздновать. И тогда отметили это у меня. Мы жили в коммунальной квартире, где было две комнаты, в одной жила наша семья, а комнату рядом занимала семья рабочих. С соседями у нас были очень хорошие отношения. Когда я пришла и спросила, нельзя ли собраться у нас, потому что больше негде, родители сказали: «Да, можно, мы поедем на дачу». Соседка, тетя Муся, согласилась поехать со своими детьми (у нее было двое детей) в гости к сестре. Все пошли навстречу. Так вся группа пришла праздновать ко мне. Я сделала винегрет, купила хлеб и конфеты. Ребята принесли вино (пить водку в то время считалось неприличным), хлеб, колбасу, шпроты и т. д. И мы сидели, ели винегрет и бутерброды. Это было в июне, в самые длинные дни. Когда уже было светло за окном, около 4 часов, мы всё съели и решили пойти гулять. Орава студентов, человек 15 нас было... Мы шли по улице, пели песни. Милиционеры очень удивлялись: «Что это за команда, бандиты ли, или еще кто?» Непонятно, кто это посреди ночи идет и горланит песни. У нас оставалась только большая ваза с конфетами, которую нам дала соседка.

Мишка Кузьмин⁹ взял ее с собой. Когда к нам подходили милиционеры, он говорил: «Вы знаете, у нас всё очень хорошо, мы окончили первый курс, угоститесь конфетками». А они смеялись и говорили: «Ну идите». Пока мы гуляли, все конфеты были розданы милиционерам.

— *Что же вы пели?*

— Пели мы песни времен войны, хорошие песни: «Давай закурим, товарищ, по одной» и другие. Что в голову придет, то и пели. Мы шли по улице, кто-то пел, кто-то болтал друг с другом. Под конец нас осталось человек десять, потом пять. И тогда мы разошлись, к тому времени и метро начало работать.

— *На каком курсе нужно было выбирать кафедру? Почему вы решили изучать историю славян?*

— Кафедру нужно было выбирать на втором курсе. Очень много тогда говорили по радио о славянских странах и о дружбе славян... Мне захотелось заниматься южными славянами, и я пошла на сербское отделение.

— *Кто был вашим научным руководителем?*

— Моим научным руководителем был Виктор Георгиевич Карасев¹⁰, ученик Никитина. Честно говоря, он вообще почти не руководил нами, потому что у него была масса других дел. Во-первых, у него только что родился сын, и было много хлопот. А во-вторых, он считался молодым преподавателем, и на него наваливали всякие общественные дела. Ему просто дышать некогда было! Одна из его учениц рассказывала, что иногда он давал ей консультации прямо в автобусе, пока куда-то ехал по делам... Тех, кто работал в университете, очень нагружали. Я была одной из первых учениц Карасева, во время работы в Институте славяноведения нередко консультировалась с ним, была на защите его докторской диссертации, у нас всегда были с ним хорошие отношения.

— *Кто еще из преподавателей на кафедре вам запомнился?*

— На кафедре тогда работала Бася Менделевна Руколь¹¹. Она преподавала Средние века, в основном занималась чехами. Ирина Михайловна

⁹ Михаил Николаевич Кузьмин (р. 1931 г.) — историк культуры, исследователь проблем народного образования в России, Чехословакии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, кандидат исторических наук. В 1958–1970 и 1976–1991 гг. работал в ИСЛ. В 1991–2005 гг. — директор ФГУ «Институт национальных проблем образования» Министерства образования Российской Федерации, советник ФГУ «Федеральный институт развития образования» по национальным проблемам образования.

¹⁰ Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991) — историк-славист, доктор исторических наук, профессор МГУ. С 1949 г. — преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (в 1973–1991 гг. — заведующий кафедрой).

¹¹ Бася Менделевна Руколь (1917–2000) — специалист по средневековой истории Чехии, кандидат исторических наук, доцент. Преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

Однокурсницы. Студентки истфака МГУ.
Слева направо: Динаида Федоровна Поплыко, Маргарита Николаевна Махарадзе,
Искра Васильевна Чуркина, Тамара Платоновна Блинова.
1950-е гг.

Белявская¹² читала новейшую историю, в основном польскую. Она была очень знающий человек.

Сербский язык нам преподавал Илья Ильич Толстой¹³, внук Льва Толстого. После революции он эмигрировал в Югославию и вернулся после ее освобождения в СССР. Его сын, Никита Ильич Толстой¹⁴, был разведчиком у наших красноармейцев — он хорошо знал сербский язык, говорил так, как сами сербы, без акцента. Он же там родился. А потом Никита Ильич работал долгое время у нас, в Институте славяноведения, как и Илья Ильич.

¹² Ирина Михайловна Белявская (1913–1975) — историк-славист, специалист по истории Польши, доктор исторических наук, профессор МГУ. Преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

¹³ Илья Ильич Толстой (1897–1970) — филолог, автор сербскохорватско-русского словаря.

¹⁴ Никита Ильич Толстой (1923–1996) — академик РАН, доктор филологических наук, основатель Московской этнолингвистической школы, лингвист, исследователь истории славянских литературных языков, сравнительной славянской лексикологии и семасиологии, лингвистической географии, славянской диалектологии, истории славяноведения, разрабатывал теоретические основы этнолингвистики. В 1954–1996 гг. работал в ИСл.

— *Как проходили ваши занятия с И.И. Толстым?*

— Исторический факультет тогда находился на Моховой улице, и Илья Ильич всегда рассказывал о его зданиях. Мы слушали с большим удовольствием о светской, «бывшей» жизни, о том, что было до революции. Нас он не мучил. В сербской группе у нас было четыре девочки — Дина Поплыко¹⁵, Тамара Блинова, Рита Махарадзе и я, пятым был Саша Плевако¹⁶, потомок знаменитого художника Верещагина. После смерти матери его воспитывала семья сына знаменитого адвоката Плевако, который защищал народовольцев¹⁷. Саша был ужасно способный парень, редко посещал занятия, при этом совершенно свободно говорил по-сербски. Ходил, как говорится, через три занятия, а сдавал экзамены всегда хорошо.

— *Насколько популярна тогда была кафедра среди студентов?*

— На нашем курсе на кафедре было 24 человека. Некоторые после окончания университета пошли в наш институт: Т.П. Блинова, Д.Ф. Поплыко и Г.П. Мурашко¹⁸. Будущий директор, Володя Волков¹⁹, тоже был из нашего выпуска. Кто-то вскоре ушел из института, а с кем-то мы потом много лет работали вместе.

— *Какова была тема вашей дипломной работы?*

— Диплом²⁰ я писала о Дьяковой буне 1825 г.²¹ Речь шла о 1820-х годах, когда во главе Сербии стоял Милош Обренович. Он притеснял простых сербов и пытался завладеть тем, что осталось после турок. А Дьяк собрал вокруг себя людей, недовольных политикой князя Милоша. Всё прошло благополучно, я защитилась и получила диплом с отличием.

¹⁵ Динаида Федоровна Поплыко (р.1932 г.) — исследователь истории общественных движений балканских народов в XIX в., истории революционного и национально-освободительного движения на Балканах, кандидат исторических наук. В 1959–1987 гг. работала в ИСл.

¹⁶ Александр Сергеевич Плевако (р.1930 г.) — журналист, с 1954 г. работал на радио, был заведующим редакцией вещания на Чехословакию, собственным корреспондентом Гостелерадио СССР в Югославии, секретарем партийного комитета Иновещания, главным редактором Главной редакции информации и пропаганды; в 1989–1991 гг. — заместитель председателя Гостелерадио СССР, руководитель Центрального радиовещания на зарубежные страны.

¹⁷ Федор Никифорович Плевако (1842–1909) — русский адвокат и юрист, судебный оратор.

¹⁸ Галина Павловна Мурашко (1932–2018) — исследователь широкого круга проблем новейшей истории восточноевропейского региона, особенно Чехословакии, доктор исторических наук. В 1959–2017 гг. работала в ИСл.

¹⁹ Владимир Константинович Волков (1930–2005) — исследователь международных отношений в Европе Нового и Новейшего времени, особенно международной политики на Балканах между мировыми войнами и после Второй мировой войны, исследователь новейшей истории югославянских народов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. В 1987–2004 гг. — директор ИСл.

²⁰ «Аграрный переворот в Сербии в начале XIX в.».

²¹ Дьякова буна — восстание сербов против князя Милоша Обреновича в 1824–1825 гг.

— Как вы стали заниматься историей и культурой Словении?

— Я думала, что и диссертация моя будет о Дьяковой буне, что я расширю и разовью эту тему. Но Сергей Александрович Никитин сказал:

— У нас сербистов сколько угодно. У нас нет словенистов. Вы словенский язык знаете?

— Нет.

— Немецкий знаете?

— Нет.

— Выучите. Выберите себе тему.

Надо было писать историю Югославии, а по Словении никого не было. Специалистами по Хорватии были Лещиловская²² и Фрейдзон²³, по Сербии — Зеленин²⁴. Потом мне пришлось для первого тома «Истории Югославии»²⁵ писать историю словенцев от прихода их на Балканы до начала 1850-х годов.

Когда я пришла в Институт славяноведения, чтобы поступать туда, Институт был маленький и с каждым поступающим директор беседовал лично. Я очень боялась встречи с ним. Он спросил:

— Чем вы будете заниматься?

— Словенией.

— А! Словакией!

— Словенией.

Он посмотрел на меня и говорит:

— Что Словакия, что Словения — это одно и то же.

Я настолько перепугалась, думала, что я ошиблась, но меня приняли. До этого директором был крупный ученый П.Н. Третьяков²⁶, но он переехал в Ленинград, и руководить институтом временно назначили одного из членов ЦК, который какое-то время был нашим послом в Польше. Добрый и хороший человек, но не очень разбиравшийся в славянской истории. И я думала: «Господи, куда я попала?!» Но потом всё было нормально.

Меня взяли в заочную аспирантуру института, а если заочная — ты должен где-то работать. И я работала учительницей в школе в городе Красногорске. В школе мне нравилось. Хорошие ребята, с ними было гораздо лег-

²² Инна Ивановна Лещиловская (1929–2016) — специалист по истории Хорватии, исследователь истории и культуры южных славян XVIII–XIX вв., доктор исторических наук. В 1956–2014 гг. работала в ИСл.

²³ Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) — специалист по истории Хорватии, исследователь закономерностей развития региона Юго-Восточной и Центральной Европы в XIX — начале XX в., доктор исторических наук. В 1956–2004 гг. работал в ИСл.

²⁴ Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998) — исследователь истории народов бывшей Югославии и их связей с Россией в XVII–XX вв., доктор исторических наук. В 1963–1991 гг. работал в ИСл.

²⁵ История Югославии. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 1–2.

²⁶ Петр Николаевич Третьяков (1909–1976) — советский археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР. В 1951–1959 гг. — директор ИСл.

че, чем сейчас. Все они были военного поколения, дисциплинированные. Два часа мне надо было добираться до работы. Бывали занятия и утром, и во вторую смену. Но поскольку все знали, что я живу в Москве, первых уроков мне не ставили. Так я проработала два года, а потом меня перевели на очное отделение аспирантуры.

— *Расскажите, пожалуйста, о жизни института в те времена.*

— Когда я пришла в институт, сотрудников было немного. Располагались мы в здании в Хрущевском переулке, таком уютном особняке XIX века, мы его очень любили. Сейчас там находится музей А.С. Пушкина.

Потом институт переехал в Трубниковский переулок. Библиотека была там же, и мы могли работать в присутственные дни с книгами, смотреть, что нужно. Библиотеку возглавляла очень хорошая женщина, Анна Яковлевна Огнева, бывшая фронтовичка²⁷. Она не была славяноведом, но старалась вникнуть в то, чем мы занимаемся, и очень нам помогала с поиском нужных книг.

А потом, когда нас перевели в высотное здание, которое было построено для Президиума АН²⁸ на Ленинском проспекте, библиотеку института пришлось отдать в ИНИОН²⁹.

До переезда в Трубники места у нас было мало, а в новом здании появилось большое количество помещений и сразу возникло несколько новых секторов и отделов.

— *В каком секторе вы работали в институте? Расскажите о ваших коллегах.*

— В Институте славяноведения, куда меня взяли в 1958 году, я сразу же попала в сектор С.А. Никитина — Новой истории славянских народов. В то время часть сотрудников работала над советско-болгарской публикацией «Освобождение Болгарии от турецкого ига»³⁰. Ее руководителем был С.А. Никитин. Документы выявляла и обрабатывала маленькая группа, куда попала и я. Душой нашего коллектива была Нина Владимировна Зуева³¹, человек исключительной добросовестности и добросовестности. Ей стыдно было лгать, отлынивать от работы. Сергей Александрович во всем полагался на нее. В нашей группе кроме Нины Владимировны и меня была Екатерина Мелентьевна Шатохина³², подруга Нины Владимировны еще со

²⁷ Анна Яковлевна Огнева (1921–2011) — заведующая отделом ФБОН (ИНИОН) АН СССР в ИСл в 1953–1984 гг.

²⁸ Современное здание президиума РАН. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

²⁹ Институт научной информации по общественным наукам РАН.

³⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: в 3 т. / отв. ред. С.А. Никитин. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961–1967.

³¹ Нина Владимировна Зуева (1926–2013) — специалист по истории Болгарии второй половины XIX в. В 1950–1987 гг. работала в ИСл.

³² Екатерина Мелентьевна Шатохина (1924–2003) — специалист по Новой истории Болгарии. В 1951–1954 гг. обучалась в аспирантуре Института славяноведения. В 1957–1962 гг. и 1966–1989 гг. работала в ИСл.

Сектор Новой истории славянских народов.
1962 г.

студенческих лет. Всегда по моде одетая, легкая в общении, безотказная в работе, она дружила с четвертым членом нашей группы — Акопом Арутюновичем Улуняном³³.

Акоп Арутюнович воевал, как и многие тогдашние сотрудники нашего института, отличался доброжелательностью и щедростью. Мы, женщины сектора, считали его нашей подружкой и спокойно при нем обсуждали свои наряды, нередко спрашивали совета по поводу покупок и часто получали от него толковые замечания. Вместе с тем он был часто нетерпим к замечаниям и всегда вступал в спор, если считал, что оппонент неправ, будь то младший научный сотрудник без степени или директор института. За прямоту и честность Улуняна уважали все сотрудники. Он не имел славистического образования, но благодаря своему упорству и трудолюбию стал одним из ведущих болгаристов института. Пятым членом нашего маленького коллектива стал самый младший из нас, Евгений Павлович Наумов³⁴.

³³ Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003) — исследователь истории освободительной борьбы болгарского народа против османского ига, кандидат исторических наук. В 1958–2003 гг. работал в ИСл. См.: Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна: сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.

³⁴ Евгений Павлович Наумов (1932–1990) — историк-славист, специалист по широкому кругу вопросов средневековой и Новой истории южных славян, доктор исторических наук. В 1958–1990 гг. работал в ИСл.

По складу своего характера он был настоящий ученый, готовый сидеть над документами сколько угодно времени. Его больше всего интересовала средневековая Сербия. Наумов обладал навыками быстрого чтения. Иногда мы вместе ходили в библиотеку и там садились обычно рядом. Меня поражало его чтение: он просто медленно переворачивал страницы огромных фолиантов и запоминал текст. Я сначала не верила в его способность читать таким образом. Но он показал мне, как, просто перелистывая книгу, он потом спокойно пересказывал содержание этих страниц. Евгений Павлович защитил кандидатскую и докторскую диссертации и стал одним из ведущих медиевистов нашей страны.

— *Расскажите, пожалуйста, о работе над публикацией документов из архива М.Ф. Раевского*³⁵.

— В конце 1960 года было заключено соглашение между Академией наук СССР, Чехословацкой академией наук и Историческим институтом в Белграде о совместном издании материалов архива Михаила Федоровича Раевского, более 40 лет прослужившего протоиереем церкви при посольстве России в Вене. Он активно помогал русским благотворителям в их связях со славянскими национальными деятелями Габсбургской монархии и Балкан.

Начало нашему международному сотрудничеству положил словацкий ученый Владимир Матула³⁶. Он работал над биографией видного словацкого политика Людовита Штура, который перед смертью оставил свой главный труд «Славянство и мир будущего» Раевскому с тем, чтобы тот передал его великому князю Константину Николаевичу, который сочувствовал славянам. Матула специально приехал в командировку в СССР, надеясь найти письма Штура Раевскому. И оказалось, что Раевский переписывался не только со Штуром, но и со многими словацкими, чешскими, сербскими, хорватскими, русинскими, словенскими и другими славянскими деятелями. О своей находке Матула сообщил Сергею Александровичу Никитину, а тот сумел заинтересовать ею крупнейших ученых Чехословакии и Югославии. Так возникла идея совместной советско-чехословацко-югославской публикации документов из архива М.Ф. Раевского.

³⁵ Михаил Федорович Раевский (1811–1884) — настоятель церкви при русском посольстве в Вене, активный деятель на ниве просвещения зарубежных славян и сближения их с русским народом, сотрудничал со Славянским комитетом и МИД России. Среди его корреспондентов насчитывается более 1000 зарубежных славян. См.: Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций / ред. И.А. Богданова, В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик. М.: Наука, 1974. С. 166–178; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011; Чуркина И.В., Ненашева З.С. К истории публикации наследия М.Ф. Раевского // Славяноведение. 2015. № 5. С. 75–86.

³⁶ Владимир Матула (1928–2011) — словацкий историк, доктор исторических наук, занимался изучением проблем словацкого национального возрождения и деятельности одного из его главных лидеров Л. Штура.

По соглашению 1960 года о совместном издании трех томов материалов архива Раевского первый том должен был выйти в Москве и включать документы, касающиеся всех славян. Второй том документов, посвященный западным славянам, должен был быть издан в Праге, а третий, охватывающий письма, касающиеся южных славян, предполагалось опубликовать в Белграде. Над первым томом работали со стороны СССР С.А. Никитин, В.Г. Карасев и я, со стороны Чехословакии — В. Матула и Й. Кочи, со стороны Югославии — Н. Петрович. Все они потом составили редколлегию первого тома под названием «Зарубежные славяне и Россия»³⁷ и комментировали большинство его документов.

— *Как проходила работа по выявлению и отбору документов?*

— Первое время Матула и я занимались отбором наиболее интересных документов. Это было сложно, поскольку письма были на разных славянских, а также на немецком и французском языках. Кроме того, письма не были разобраны, и нередко корреспонденция от одного и того же лица находилась в разных папках. Достаточно трудно было определять авторство по часто неразборчивым подписям. Иногда нам приходилось делать это по содержанию писем. Более-менее документ читаешь, а подпись неразборчива, и мы с Матулой вдвоем сидели и думали, кем же это написано. Мы подружались за это время: столько архивов пересмотрели, начиная с Отдела письменных источников Исторического музея, потом в Отделе рукописей Ленинки³⁸, в Архиве Министерства иностранных дел, АВПП³⁹... Я не встречала человека настолько увлеченного архивами, как Володя Матула! Он никогда не откладывал неразборчивый документ, мог сидеть над ним часами, чтобы определить, кому он принадлежит. Работа с ним в архивах стала для меня настоящей школой. Наши дружеские отношения продолжались до самой смерти Матулы в 2011 году.

Через Матулу стал заниматься архивом Раевского и Йозеф Кочи, крупный чешский ученый, в течение ряда лет возглавлявший Пражский град. Благодаря Матуле и Кочи я несколько раз побывала в Праге и в Братиславе, в святом Мартине. Оба они были искренними русофилами и оставались такими до конца жизни.

С сербской стороны над архивом Раевского работал Никола Петрович, коммунист с довоенным стажем, родом из Воеводины. Внешне он был похож на стопроцентного арийца: высокий, светловолосый, с большими голубыми глазами. Когда он был в партизанском отряде, его всегда посылали в качестве разведчика в города, занятые немцами и их пособниками венграми, для установления и поддержки связей с антифашистским подпольем. По профессии он был инженер, но в совершенстве знал немецкий,

³⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М.: Наука, 1975.

³⁸ Государственная библиотека имени В.И. Ленина. В настоящее время Российская государственная библиотека (РГБ).

³⁹ Ныне Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Юрий Алексеевич Писарев, Искра Васильевна Чуркина, Йозеф Кочи.
Прага, 1979 г.

французский, венгерский, итальянский и русский языки. И когда его останавливал немецкий или венгерский патруль, разговаривал с ними на чистом немецком или венгерском языке. У него даже документы не спрашивали. Особенно он поражал венгров, которые были в восторге от того, что такой чистокровный немец так хорошо говорит по-венгерски!

— *А кто из институтских коллег помогал вам в работе над публикацией документов Раевского?*

— В первое время мне помогала в архивах Екатерина Мелентьевна Шахтина. Обычно вместе с ней мы ездили в ленинградские архивы: Архив Академии наук и Отдел рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁰. Наша жизнь в Ленинграде была очень интересной. Утром мы обычно ходили в Архив Академии наук, после обеда работали в Отделе рукописей Салтыковки, а вечером «стреляли» билеты у театров. Доставать их нам почти всегда удавалось, и мы посмотрели много интересных спектаклей.

⁴⁰ Российская национальная библиотека (РНБ), до 1917 г. — Императорская публичная библиотека, до 1925 г. — Российская публичная библиотека, с 1932 г. — имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, до 27 марта 1992 г. — Государственная публичная библиотека.

Международный съезд славистов в Братиславе.
Искра Васильевна Чуркина, Владимир Матула, Зоя Сергеевна Ненашева,
Галина Викторовна Рокина, Татьяна Ивантышинова.
1993 г.

В субботу и воскресенье мы посещали Эрмитаж или Русский музей, иногда знакомились с ленинградскими пригородами, многие из которых являлись замечательными музеями. И такая культурная программа была вполне по карману младшим научным сотрудникам без степени!

Екатерина Мелентьевна одновременно продолжала работать и над советско-болгарской публикацией, Матула приезжал в лучшем случае на два-три месяца в году. Одной мне приходилось заниматься публикацией всё время. Поэтому я очень обрадовалась, когда мне в помощь в 1971 г. дали новую сотрудницу сектора — Светлану Ивановну Бочкареву (Данченко)⁴¹. С ней вместе мы проработали над архивом Раевского почти 20 лет. Светлана — ученица В.Г. Карасева. Тогда это была стройная, хорошенькая девушка, очень способная и добросовестная. Она сразу же вошла в курс

⁴¹ Светлана Ивановна Данченко (р. 1949) — специалист по Новой истории Сербии, доктор исторических наук. С 1971 г. работает в ИСл, с 2010 г. возглавляет Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время.

дела, с нею мы почти каждый день ходили в архивы, она научилась разбирать сложные тексты и многие документы сама перепечатывала на пишущей машинке, которую быстро освоила. Кроме того, Светлана обладала прекрасной памятью и очень быстро находила в куче папок тот или иной документ. С ней было легко и приятно, наша работа пошла очень быстро, и в 1975 г. вышел том документов «Зарубежные славяне и Россия»⁴². Помимо указанных выше историков над ним работали в качестве комментаторов и переводчиков Н.В. Зуева, М.Н. Кузьмин, Н.И. Хитрова⁴³, В.М. Хевролина⁴⁴, В.И. Фрейдзон, Р.Ш. Гладштейн, Л.П. Лаптева⁴⁵, чехословацкий ученый Е.М. Рудловчак⁴⁶ и др.⁴⁷

Публикация «Зарубежные славяне и Россия» имела успех, о ней одобрительно отозвалась советская, американская, польская печать.

— *Как велась работа над публикацией югославского тома?*

— В связи с событиями 1968 г. («Пражская весна» и ввод войск Варшавского договора) в Чехословакии усилились антисоветские настроения. Подготовка тома, включавшего западнославянские материалы, была отложена. Зато Исторический институт в Белграде проявил интерес к совместной публикации⁴⁸ и заключил договор с Институтом славяноведения АН СССР. К работе над томом были привлечены и крупнейшие историки из других республик бывшей Югославии: от Словении — В. Мелик, от Хорватии — Н. Станчич, от Боснии и Герцеговины — М. Экмечич⁴⁹, от Сербии — Н. Петрович, Д. Петрович-Милоевич, Д. Милич, С. Терзич⁵⁰, Н. Урич. Советскую

⁴² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80 годы XIX века.

⁴³ Нина Ивановна Хитрова (1925-2015) — специалист по истории Черногории, доктор исторических наук. Работала в ИСл в 1955-1975 гг., затем перешла в Институт истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН).

⁴⁴ Виктория Максимовна Хевролина (1932-2016) — специалист по истории внешней политики России и международных отношений второй половины XVIII-XIX вв., доктор исторических наук. Работала в Институте истории СССР АН СССР.

⁴⁵ Людмила Павловна Лаптева (1926-2016) — историк-богемист, доктор исторических наук, заслуженный профессор (с 2008 г.) Московского государственного университета.

⁴⁶ Елена Михайловна Рудловчак (1919-2007) — исследователь культуры Закарпатья, доктор философии. См.: Чуркина И.В. Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919-2007) // Славянский альманах 2007. М.: Индрик, 2008. С. 532-539.

⁴⁷ Подробнее см.: Чуркина И.В., Ненашева З.С. К истории публикации наследия М.Ф. Раевского... С. 76.

⁴⁸ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. 40-80 године XIX века. Београд, 1989. Т. 2. Књ. 1.

⁴⁹ Милорад Экмечич (1928-2015) — югославский и сербский историк, академик Сербской академии наук и искусств (САНУ) и Академии наук и искусств Республики Сербской, член Сената Республики Сербской. Признанный специалист по истории сербской государственности.

⁵⁰ Славенко Терзич (р. 1949) — сербский историк, член-корреспондент САНУ, был директором Исторического института в Белграде, главным редактором всех специализированных изданий института, членом Сената Республики Сербской. Чрез-

часть редколлегии представляли С.И. Данченко, В.Г. Карасев и я. Ответственным редактором стал Н. Петрович. Основной корпус документов уже был создан, оставалось только просмотреть югославские архивы. Этим и занимались мы со Светланой Ивановной с помощью Даницы Петрович-Милоевич, дочери Н. Петровича.

— *Расскажите, пожалуйста, о ваших командировках в Югославию.*

— В первый раз мы со Светланой Ивановной прибыли в Белград в 1978 г. На заседании с сербскими коллегами обсудили план работы над томом. Было решено, что мы обследуем помимо архивов Белграда архивы Сараева и Загреба, поскольку именно здесь жили основные корреспонденты Раевского и мы надеялись найти его письма к ним. К сожалению, наши ожидания оправдались лишь в малой степени, поскольку с середины XIX до середины XX века Балканы были ареной многочисленных войн и столкновений, во время которых пропали многие документы из архивов. Зато мы побывали в этих городах, познакомились с интересными учеными. Особенно большое впечатление на нас произвело Сараево, в котором со Средних веков проживало рядом православное (сербы) и мусульманское (босняки) население. Там четко отделялись сербские и босняцкие кварталы. В сербских кварталах стояла православная церковь, построенная во времена турецкого владычества, очень непохожая на другие православные церкви: половина ее интерьера находилась под землей. Дело в том, что турки не разрешали строить церкви выше определенного уровня, чтобы они не выделялись на фоне общей застройки города. В мусульманских кварталах особо большое впечатление произвел на нас огромный базар, вокруг которого и располагались дома мусульман. Во время войны в Югославии в 1990-е годы Сараево был почти полностью разрушен, и теперь на его месте отстроен новый европейский город. В Сараеве мы общались не только с сербскими учеными, но и с учеными-мусульманами. Последние показали нам музей, в котором сохранились средневековые документы на сербском языке, но написанные турецким алфавитом.

В отличие от Белграда и Сараева Загреб походил на города Средней Европы. До 1980-х годов я не раз посещала Югославию, когда присутствовала на различных конференциях и симпозиумах. Нас встречали и опекали югославские коллеги. На заседаниях и экскурсиях преобладал русский язык. На этот же раз мы были предоставлены самим себе, сами общались с местными жителями, с сотрудниками архивов и научных учреждений. Нас выручало знание Светланой Ивановной разговорного сербского языка — до поступления в Институт славяноведения она некоторое время проводила экскурсии по Москве для югославских туристов. А у меня было такое смешение сербских и словенских слов, когда я говорила! Зато

вычайный и полномочный посол Республики Сербия в Российской Федерации и Туркменистане (2012–2019 гг.).

в Хорватии мне было проще... Хорваты, когда я начинала говорить на своем «югославянском» языке — смеси сербского и словенского, восклицали: «Как вы хорошо знаете хорватский язык!» — а в магазинах и на рынках продавцы иногда уменьшали цену. В Загребе нас со Светланой Ивановной встречали и опекали Н. Станчич и его ученица Здравка Злодич, симпатичная девушка, влюбленная в русскую литературу.

— *Были ли в институте свои традиции? Как справляли праздники?*

Капустник в институте.
В центре директор Иван Александрович Хренов.
1960-е гг.

— Хорошей традицией института были капустники, новогодние вечера. В основном сценарии и песни сочиняли филологи. Представления были костюмированные, обязательно кто-то играл Снегурочку и Деда Мороза.

На майской демонстрации.

Борис Федорович Стахеев, Анна Петровна Соловьева,
Инеcса Евгеньевна Можаяева, Ольга Павловна Морозова,
Лев Никандрович Смирнов, Галина Парфеньевна Нешиченко,
Евгений Павлович Наумов, Искра Васильевна Чуркина.
Конец 1950-х гг.

От историков чаще всего участвовали Миша Кузьмин, полонистка Светлана Михайловна Фалькович⁵¹, остроумная и иногда язвительная, и я. Я больше играла на сцене, чем писала тексты. Активными авторами текстов и артистами были Юрий Васильевич Богданов⁵², занимавшийся словацкой литературой, и Борис Федорович Стахеев⁵³, участник войны, писавший

⁵¹ Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018) — историк-полонист широкого профиля, специалист по истории польского национального движения, русско-польских отношений, связей русской и польской культуры, доктор исторических наук. В 1962–2018 гг. работала в ИСЛ.

⁵² Юрий Васильевич Богданов (1932–2010) — литературовед, исследователь словацкой литературы XX в. и популяризатор ее в России, кандидат филологических наук. В 1958–2010 гг. работал в ИСЛ.

⁵³ Борис Федорович Стахеев (1924–1993) — литературовед, исследователь литературного процесса в Польше периода романтизма, кандидат филологических наук. В 1954–1993 гг. работал в ИСЛ.

остроумные и веселые стихи на институтские темы. Наши авторы составляли даже шаржи на дирекцию. И никто из начальства не обижался. Было очень весело. Если какой-то вечер проходил без упоминаний дирекции, ее члены спрашивали: «А чего это вы нас забыли?»

Помимо наших праздников и капустников в институте практиковались поездки по старинным городам России и Украины. Инициатором их был Александр Иванович Рогов⁵⁴, человек, влюбленный в древнерусскую архитектуру домонгольского периода и прекрасно ее знавший. Вместе с ним мы посетили множество старинных монастырей Подмосковья, Владимир, Псков, Великий Новгород и много других замечательных древних городов. И после того как Александр Иванович перестал проводить экскурсии, профком института продолжал их устраивать через Московское экскурсионное бюро. В эти поездки мы брали с собой своих детей, родственников и приезжавших в наш институт из других городов и стран ученых. Обычно такие экскурсии проходили в мае или октябре.

— *А экскурсионные поездки по другим странам были?*

— Мне запомнилась экскурсия по Югославии для сотрудников нашего института и других югославистов в 1960 году. Тогда в Герцеговине приключилась интересная история. Среди нас были ученики Владимира Ивановича Пичеты⁵⁵ — Санчук⁵⁶ и Королюк⁵⁷. Приехали мы в Мостар, и вдруг Генрих Эдуардович Санчук говорит: «Это же родина Владимира Ивановича Пичеты! Здесь наверняка живут его родственники». Стоим мы около знаменитого моста, и идет какой-то достаточно молодой парень. Санчук подошел к нему и спрашивает на ломаном сербо-русском языке: «Скажите, пожалуйста, а где здесь живут Пичеты?» — «Я Пичета, а что вам надо?» Санчук, конечно, удивился и говорит: «А скажите, пожалуйста, у вас был какой-то предок, который уехал в Россию?» — «Да, мой двоюродный дедушка»⁵⁸.

⁵⁴ Александр Иванович Рогов (1935–1996) — историк, археограф, исследователь славянских культур периода феодализма, межславянских культурных связей в Средние века, истории России, проблем источниковедения, кандидат исторических наук. В 1963–1996 гг. работал в ИСл.

⁵⁵ Владимир Иванович Пичета (1878–1947) — известный советский славист, академик АН СССР, первый ректор Белорусского государственного университета, основатель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета в Московском государственном университете, один из основателей Института славяноведения АН СССР.

⁵⁶ Генрих Эдуардович Санчук (1917–1996) — источниковед, исследователь и публикатор средневековых хроник, специалист по истории Чехии, Словакии и полабских славян эпохи раннего Средневековья, доктор исторических наук. В 1947–1986 гг. работал в ИСл.

⁵⁷ Владимир Дорофеевич Королюк (1921–1981) — специалист по средневековой истории славянских народов, историк славистики, исследователь экслибриса, доктор исторических наук. В 1947–1981 гг. работал в ИСл.

⁵⁸ В 1858 г. уроженец Мостара Йован (Иван) Христофорович Пичета (1844–1920), отец В.И. Пичеты, прибыл в Россию для получения образования. См.: *Пичета И.* Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.

Потом Санчук поддерживал с родственниками В.И. Пичеты связь, они даже приезжали в СССР. Это было совершенно потрясающе! Мостар, конечно, не Москва, это маленький городок, но чтобы вот так подойти к первому встречному и сразу попасть на нужного человека!

— *Как вы впервые попали в Словению?*

— В первый раз я поехала в Словению, в Люблян, на семинар словенского языка и литературы, куда приглашали всех, кто занимался словенцами, кто хотел изучать словенский язык. И поехала я не одна, а с Володей Дыбо⁵⁹. Это было очень трудно, потому что мы несколько дней ехали на поезде, пересекая много границ. На каждой из них мы стояли по несколько часов, наш вагон отцепляли, прицепляли и т.д. Встречали нас в Словении два словенских ученых. Одним из них был Ф. Якопин⁶⁰. Он у словенцев считался специалистом по русскому языку. Очень интересный был человек. У него вышел ряд статей, посвященных влиянию русского языка на формирование литературного словенского языка.

На семинар приезжали исследователи не только из России, но и из Польши, из Америки, из Швеции... Программа была такой: сначала мы слушали лекции, потом занимались словенским языком, а в субботу и воскресенье нас возили на экскурсии. Это было очень здорово, мы познакомились с коллегами из разных стран. Все они были славистами, в основном занимались русским языком и в Словению ехали для расширения своего кругозора. Тех, которые занимались специально словенцами, было немного. Словенский язык я еще не очень хорошо знала. Могла разговаривать только на базаре или что-то спрашивать на улице. Меня прекрасно понимали, но с профессурой я просто боялась говорить по-словенски (еще ляпнешь что-нибудь)... Но почти все словенские ученые, общавшиеся с нами, знали русский язык. Впечатление от первой поездки за рубеж было самое приятное, потому что со мной общались те люди, которые хорошо относились к России, к русскому языку. Они всегда радушно принимали нас, показывали свою страну.

— *В каких библиотеках вы любите работать?*

— Историчку я обожала совершенно⁶¹. Первый раз я пошла туда в 1946 г., представляете? Мне очень там нравилось, потому что можно было прийти

⁵⁹ Владимир Антонович Дыбо (р. 1931) — лингвист, специалист в области славянской и балтославянской сравнительно-исторической акцентологии, доктор филологических наук, академик РАН. С 1958 г. работает в ИСл, главный научный сотрудник Отдела славянского языкознания.

⁶⁰ См.: Держанц А., Чуркина И.В., Чепелевская Т.И., Кирилина Л.А., Созина Ю.А. Памяти Ф. Якопина (1921–2002) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 121.

⁶¹ Искра Васильевна Чуркина является почетным дарителем ГПИБ. См.: URL: https://www.shpl.ru/about_library/structure_library/hall_world_history5/pozhertvovaniya/dariteli/churkina/ (дата обращения: 30.04.2020).

и сразу же получить книги. Не знаю, как сейчас, но раньше совершенно спокойно давали в тот же день, в тот же час. Не то что в Ленинке. Там надо было сделать всё заранее — сначала прийти выписать, потом скажут, что это будет через три или четыре дня. А мне, как правило, нужны были издания XIX века, так что в Ленинке всегда приходилось заказывать и долго ждать... В Историчке всё было проще.

В Ленинку раньше было очень трудно попасть, надо было ехать с самого утра, часов в 9, тогда ты сможешь найти себе место, а иначе — всё, стоишь и ждешь в очереди, пока кто-нибудь выйдет. Там мы познакомились с моим будущим мужем, сначала у каталога перекинулись парой слов, а потом он стал занимать мне место, поскольку приходил обычно раньше меня.

— *Когда впервые вы пошли в архив? Какие архивы чаще всего посещали и как там была устроена работа?*

— Работать в архивах я стала значительно позже. Я ведь сначала занималась Средними веками. А что у нас есть по Средним векам в Словении? Ничего нет. В институте мы трудились над изданием архивных материалов по истории русско-турецкой войны⁶², и я сообразила, что ведь можно заниматься и другим, и стала смотреть сербские, хорватские и болгарские документы XIX века. Тогда было невероятно сложно работать в архивах — отсутствовали описи, надо было брать папку с документами «вслепую» и просто смотреть, что там есть. Могло быть и название совершенно другое на папке, а еще нам архивисты могли сказать: «А вот там у нас еще папка не разобрана, посмотрите, что там вообще есть». Особенно много я работала в Отделе письменных источников Исторического музея на Красной площади, там я вообще дневала и ночевала.

Обычно нужные материалы я переписывала в тетрадку, у меня столько этих тетрадок! С работой в архивах возникали свои сложности, особенно в Архиве внешней политики России (АВПР). Прежде чем выдать допуск, проверяли, что я не враг народа и не являюсь дочерью врага народа. Но у меня довольно спокойно всё это проходило, потому что отец был участником Отечественной войны, а мама преподавала в Бауманском училище основы марксизма-ленинизма. А вот если кто-то был просто инженер или кто-то еще, то начинали уже серьезно проверять.

Тогда в АВПР просматривали конспекты читателей, что-то вырезали. И такие глупости вырезали, смешно даже! Когда были плохие отношения с Югославией, сотрудники архива как увидят что-то связанное с ней: «Ой, это нельзя, нельзя!» — и вырезали, не объясняя причин. Какие могут быть тайны XIX века? Какие там секреты могут быть? Но приходилось подчиняться, что же делать.

⁶² Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т.

— Как вы пришли к изучению славянофилов? Чем вас привлекла эта тема?

— Я занималась славянами, русско-славянскими, русско-словенскими, русско-чешскими связями, и волей-неволей мне попадались славянофилы, поскольку они были активными деятелями в этом отношении. И вот я постепенно начала узнавать, что они из себя представляли, и поняла, что это очень знатные, богатые люди, им ничего не надо было, они шли на всё ради идеи. Так, случайно, я начала заниматься славянофилами.

Все мои герои из XIX века были тесно связаны с Михаилом Федоровичем Раевским. Это, как говорится, моя любовь. Все русско-славянские связи второй половины XIX века шли через него. Он состоял в переписке со всеми, начиная с царственных особ и кончая нищими учениками.

Главной целью славянофилов было не достижение каких-то благ. Им ничего не надо было — ни высоких должностей, они и так их имели, ни богатства, они все были очень состоятельные люди. Например, Самарин или Хомяков, Чижев, Кошелев и прочие. Они боролись за освобождение крестьян от крепостной зависимости, за создание условий для их безбедного существования, за свободу печати, за освобождение славян от иноземного ига.

— Что вы хотели бы пожелать коллегам — сотрудникам института? Чего вы ждете от них?

— Я считаю, что обязательно нужно написать историю института, пока есть еще люди старшего поколения, которые работали там почти с самого начала его существования. Они могут многое рассказать. История Института славяноведения интересна не только как часть всемирной истории науки, но и как история русской дипломатии, история взаимоотношений между народами.

Литература

Данченко С.И., Чуркина И.В. С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: сборник статей / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013. С. 8–34.

Дерганц А., Чуркина И.В., Чепелевская Т.И., Кирилина Л.А., Созина Ю.А. Памяти Ф. Якопина (1921–2002) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 121.

Историки-слависты МГУ. Кн. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. Научный сборник / отв. ред.: Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисёнок. М.: Издатель Степаненко, 2020.

Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций / ред. И.А. Богданова, В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик. М.: Наука, 1974. С. 166–178.

Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улунына: сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.

Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук / отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012.

Чуркина И.В. Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919–2007) // Славянский альманах 2007. М.: Индрик, 2008. С. 532–539.

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

References

Churkina, I.V., 2008. Pamiati Eleny Mikhailovny Rudlovchak (1919–2007). *Slavian-skii al'manakh 2007*, pp. 532–539.

Churkina, I.V., 2011. *Protoierei Mikhail Fedorovich Raevskii i iugoslaviane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN.

Churkina, I.V., Nenasheva, Z.S., 2015. K istorii publikatsii naslediiia M.F. Raevskogo. *Slavianovedenie*, 5, pp. 75–86.

Danchenko, S.I., Churkina, I.V., 2013. S.A. Nikitin i ego nauchnaia shkola istorikov-slavistov. In: Churkina, I.V., ed., 2013. *Slaviane i Rossiia. K 110-letiiu so dnia rozhdeniia S.A. Nikitina: Sbornik statei* [Slavs and Russia. To the 110th anniversary of the birth of S.A. Nikitin: Collection of articles]. Moscow: Tezaurus, pp. 8–34.

Danchenko, S.I., ed., 2014. *Slaviane i Rossiia: slavianskie i balkanskije narody v periodicheskoj pechati. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Uluniana: Sb. statei* [Slavs and Russia: Slavic and Balkan peoples in periodicals. On the 90th anniversary of the birth of A.A. Ulunyan: Collection of articles]. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN.

Dergants, A., Churkina, I.V., Chepelevskaia, T.I., Kirilina, L.A., Sozina, Iu.A., 2003. Pamiati F. Iakopina (1921–2002). *Slavianovedenie*, 2, pp. 121.

Matula, V., Churkina, I.V., 1974. Arkhiv M.F. Raevskogo kak istochnik po istorii sviazei mezhdru slavistami Rossii i Avstrii (40–70-e gg. XIX v.). In: Bogdanova, I.A., Zlydnev, V.I., Ritchik, Iu.I., eds, 1974. *Kul'tura i obshchestvo v epokhu stanovleniia natsii* [Culture and society in the era of the formation of nations]. Moscow: Nauka, pp. 166–178.

Matveev, G.F., Nenasheva, Z.S., Borisenok, Iu.A., eds, 2020. *Istoriki-slavisty MGU: Kn. 13. Slavianskikh drevnosteu obitel'. Kafedre istorii iuzhnykh i zapadnykh slavian — 80 let. Nauchnyi sbornik* [Historians-Slavists of Moscow State University: Book 13. Slavic antiquities abode. The Department of the History of Southern and Western Slavs is 80 years old. Scientific collection]. Moscow: Izdatel' Stepanenko.

Robinson, M.A., Goriainov, A.N., eds, 2012. *Sotrudniki Instituta slaviano-vedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [Employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Indrik.